

УДК 327, 327.8
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-1-258-276
Оригинальное исследование

Внешние факторы обеспечения безопасности в арабских странах с высоким индексом неустойчивости

Горбунова М.Л. , Комаров И.Д. , Сикираз В.В.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: gorbunova@iee.unn.ru; igor.komarof@gmail.com; sikirazh@imomi.unn.ru

Аннотация. В статье анализируются вопросы обеспечения продовольственной, энергетической и военно-политической безопасности в неустойчивых арабских государствах. Авторы используют «зеркальные» внешнеторговой статистики и реконструируют структуру внешней торговли знаками, продукцией ТЭК и вооружениями Ирака, Йемена, Сирии и Сомали для оценки стратегических аспектов зарубежного влияния на рассматриваемые государства. Исследование выявило тенденцию диверсификации среди государств-провайдеров внешней безопасности по всем рассмотренным компонентам стратегического экспорта. Это связано с усилением многополярности мирового порядка и возрастанием роли восходящих центров силы в решении проблем неустойчивых государств, а также доминированием глобализационного (либерального), а не геополитического вектора в эволюции мирового порядка.

Ключевые слова: безопасность, военно-политическая безопасность, продовольственная безопасность, энергетическая безопасность, внешняя торговля

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности Нижегородского государственного университета в рамках научного проекта «Исследование механизмов формирования условий и обеспечения безопасности в макрорегионах Евразии».

Для цитирования: Горбунова М.Л., Комаров И.Д., Сикираз В.В. 2023. Внешние факторы обеспечения безопасности в арабских странах с высоким индексом неустойчивости. *Via in tempore. История. Политология.* 50 (1): 258–276. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-258-276

External Security Factors in the Most Fragile Arab Countries

Maria L. Gorbunova , Igor D. Komarov , Vladimir V. Sikirazh

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

E-mail: gorbunova@iee.unn.ru; igor.komarof@gmail.com; sikirazh@imomi.unn.ru

Abstract. The article analyzes the issues of food, energy and military-political security in the unstable Arab states. The authors use «mirror» foreign trade statistics and reconstruct the structure of foreign trade in cereals, fuel and energy products and weapons in Iraq, Yemen, Syria and Somalia to assess the strategic aspects of foreign influence on the states under consideration. The approach newly introduced by the authors permits to assess the outsider influence on the of traditional security, social stability and conditions for economic growth in a structural and dynamic context through indicators concerning trade in strategic goods. The study revealed a trend of diversification among external security provider states in all the considered components of strategic exports. This is due to the strengthening of the multipolarity of the world order and the growing role of ascending centers of power in solving the problems of unstable states, as well as the dominance of the globalization-based (liberal) rather than geopolitical vector in the world order evolution.

Keywords: Security, military-political security, food security, energy security, foreign trade

Acknowledgement: The work was financially supported by the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Competitiveness Program, the project «Investigation of mechanisms affecting conditions and ensuring security in the Eurasian macro-regions».

For citation: Gorbunova M.L., Komarov I.D., Sikirazh V.V. 2023. External Security Factor in the Most Fragile Arab Countries. History. Political science. 50 (1): 258–276. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-258-276

Введение

Неустойчивые государства – одно из наиболее неблагоприятных явлений международных отношений, так как в них возникают проблемы обеспечения стабильности и безопасности, проявляющиеся в том числе в резком снижении качества функционирования институтов и невозможности гарантии нормальных условий жизни местному населению. Кроме того, в связи с тем, что местные власти не могут самостоятельно справиться с возникшими трудностями, проблемы данных государств выходят на макрорегиональный и глобальный уровень, поэтому в теории и практике международных отношений за ними закрепилось понятие «несостоявшихся, недееспособных» (*failed states*) или, в менее негативной коннотации, «хрупких, неустойчивых» (*fragile states*). Общая нестабильность внутривнутриполитических процессов, отличающая эти государства, приводит к тому, что в них возгораются и затухают конфликтные ситуации, в первую очередь в сфере традиционной безопасности, которые местный государственный аппарат не в состоянии разрешить, в результате в странах подорван экономический базис общественного развития и усиливается социальное напряжение среди различных групп населения.

Сама природа термина «несостоявшееся, неустойчивое государство» подразумевает, что на развитие таких государств конструктивным или деструктивным образом оказывают влияние официальные или неофициальные внешние силы. Подобное воздействие может быть многообразным, в связи с этим его не всегда возможно оценить с высокой степенью объективности. В данной статье авторы фокусируются на оценке внешних условий обеспечения военно-политической, продовольственной и энергетической безопасности рассматриваемых государств, испытывающих проблемы в поддержании стабильности институциональной сферы, а также на идентификации и анализе меняющейся роли зарубежных государств и иных акторов в рассматриваемых процессах.

Существуют разные подходы к изучению проблем безопасности «недееспособных, несостоявшихся, хрупких, неустойчивых государств». Сначала в политический дискурс был введен термин «недееспособное несостоявшееся государство» (*failed state*) для обозначения слабых в институциональном отношении государств, затем термин был замещен менее негативистской версией – «хрупкое, неустойчивое государство» (*fragile state*), который используется в публичном дискурсе, например, при составлении рейтингов. В.И. Бартенев [Бартенев, 2017] в недавней работе на основе использования наукометрических методов сделал подробный анализ эволюции зарубежного дискурса по проблемам государственной состоятельности и инструментализации категории «неустойчивые государства» во всех ее версиях и показал, что понятие было введено в научный и прикладной политический анализ с окончанием холодной войны, но трансформировалась после событий 11 сентября 2001 г.

В соответствии с этим в ранней работе Т.У. Льюка и Дж. Тоала [Luke, Toal, 1998] подтверждается, что ранняя концептуализация понятия именно в инструментальном ключе была реализована международными правительственными и неправительственными институтами, столкнувшимися в своей повседневной практической деятельности с ситуациями сбоя в функционировании правительственного аппарата и распада гражданских институтов в таких странах, как Афганистан, Ирак, Руанда, Сомали, Судан и ряде других, в том числе в Европе и Латинской Америке. Противоречивость применения категории к тем или иным государствам и ситуациям и последствиям подобного маркирования отмечена

М. Боас и К. Дженнингс [Bøås, Jennings, 2007]. Опираясь на случаи применения негативистской версии категории «несостоявшееся государство» (*failed state*), они доказывают, что ее использование политизировано, основывается на западном восприятии безопасности и реализации интересов Запада и имеет неоднозначную практическую имплементацию. Некоторые государства, в которых наблюдаются рецессия и неформализация институтов, в совокупности воспринимаемые как угроза интересам Запада, отнесены к данной категории, в то время как похожие ситуации и условия в других государствах трактуются в благоприятном для бизнеса и международного капитала ключе, и эти случаи не отнесены к категории «несостоявшихся государств» [Bøås, Jennings, 2007, с. 475]. В связи с этим авторы делают вывод о том, что отнесение государства к категории «несостоявшихся» служит средством определения диапазона приемлемых политических ответных мер в отношении этих государств, включая военные меры [Bøås, Jennings, 2007, с. 483].

Глава Всемирного банка Р.Б. Зеллик [Zoellick, 2008] вносит вклад в библиографию неустойчивых государств, рассматривая их с позиций отсутствия в них условий, необходимых для экономического развития, и определяет, таким образом, три ключевых черты «неустойчивых государств»: неэффективное управление, бедность и наличие конфликтов.

З. Икбал и Х. Старр [Iqbal, Starr, 2008] обращают внимание на внешние проблемы, формирующиеся вокруг нестабильных государств. По их мнению, распад определённого суверенного государства ведет к дестабилизации соответствующего макрорегиона за счёт межгосударственного «перелива» (*spillover effects*) таких феноменов, как политическая нестабильность, внутренние и внешние военные конфликты. Исследованием обосновывается необходимость вмешательства мирового сообщества в процессы распада государственности для избегания переноса проблем на другие страны, подтверждая авторскую гипотезу о внешних факторах обеспечения безопасности.

Э. Ньюман [Newman, 2009] обращает внимание на разрыв между теоретическим восприятием термина «неустойчивые государства», его прикладной операционализацией в рамках международных организаций, с одной стороны, и структурой существующих проблем и угроз в конкретных странах – с другой стороны. И предостерегает от решений, основанных на неверном понимании реального положения дел, которые могут иметь огромные материальные последствия в терминах мобилизации финансов, дипломатического внимания и даже военных действий [Newman, 2009, с. 437].

В ранней работе Л. Андерсен [Andersen, 2006] на основе предположения о том, что западные страны обеспечивают безопасность «неустойчивых государств», определяются пути повышения эффективности вмешательства за счет сочетания правительственных и неправительственных форм обеспечения понимаемой в широком контексте безопасности и включающей в себя не только военно-политическую безопасность, но и безопасность для гражданских лиц и формирование для них нормальных условий жизни.

П. Хомел и Н. Массон [Hornel, Masson, 2016] также анализируют институциональное взаимодействие в рамках программ обеспечения безопасности местных сообществ на фоне реформирования силовых органов в неустойчивых и конфликтных контекстах и обращают внимание на необходимость «встречного» – сверху и снизу – продвижения инициатив с целью их более эффективной легитимизации.

И. Роча де Сикейра [Rocha De Siqueira, 2014] обращает внимание, с одной стороны, на необходимость, с другой – на трудности и неточности, которые возникают при сборе статистических данных международными организациями в нестабильных государствах, также подчеркивая важность для принятия научно обоснованных решений и политические и экономические риски, которые могут возникнуть из-за неверного количественного представления ситуации.

Объекты, данные и методы исследования

Анализ дискурса вокруг «неустойчивых государств» и вопросов их безопасности показывает, что в изучении их проблем еще существует место для новых количественных

подходов. Несмотря на то, что концептуализация и прикладное политическое применение категорий «несостоявшееся неустойчивое состояние хрупких государств» еще развиваются в условиях ситуаций вокруг новых и существующих «неустойчивых государств», эмпирический анализ данной проблематики довольно интенсивен. В первую очередь речь идет о рейтингах стран разового или многолетнего характера. К первым относятся Список Всемирного банка стран с низким уровнем дохода в напряженном состоянии (*List of low-income countries under stress*)²³⁹, Прокси-список неустойчивых государств (*Proxy list of fragile states*) Департамента международного развития Соединенного Королевства²⁴⁰ 2005 г. [DFID, 2005], Индекс слабости государств развивающегося мира (*Index of State Weakness in the Developing World*) Института Брукинга²⁴¹. Начиная с 2006 г. идет формирование Индекса неустойчивых государств недееспособных государств (*Fragile State Index*) Фонда мира (*Fund for Peace*)²⁴², с 2008 г. – Глобального индекса мира (*Global Peace Index*) Института экономики и мира²⁴³. Необходимо отметить, что их результаты противоречат друг другу.

В частности, авторы полагают, что данные внешней торговли являются чувствительными в геоэкономическом смысле группами Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее – ТН ВЭД): зерном (группа 10 «Злаки»), продукцией ТЭК (группа 27 «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные») и вооружениями (группа 93 «Оружие и боеприпасы; их части и принадлежности») – могут служить прокси-индикаторами обеспечения продовольственной, энергетической и военно-политической безопасности, что соответствует идеям, изложенным в работах Дж. Ная [Nye, Welch, 2012], Г. Расула и Б. Шармы [Rasul, Sharma, 2015].

Объект исследования. Для оценки внешних факторов формирования военно-политической безопасности авторы рассматривают наиболее проблемные арабские государства из рейтинга неустойчивых (недееспособных) государств (*Fragile State Index*) Фонда мира (*Fund for Peace*).

Рассмотренные в статье Йемен, Сомали и Сирия занимают в нем в 2019 г. соответственно 1-е, 2-е и 4-е места и относятся к категории государств с очень высоким уровнем тревожности (*Very High Alert*), Ирак в настоящее время отнесен к менее проблемной категории государств со значимым уровнем тревожности (*Alert*) и занимает 13-е место в указанном рейтинге (см. рис. 1).

Данные исследования – консолидированная зеркальная статистика внешней торговли стран с низким индексом дееспособности товарами следующих групп ТН ВЭД:

- 10 «Злаки»;
- 27 «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные»;
- 93 «Оружие боеприпасы; их части и принадлежности».

В исследовании использованы данные базы торговой статистики ООН (*UN Comtrade Database*)²⁴⁴.

²³⁹ World Bank. World Bank Group work in low-income countries under stress. – Washington, DC: The World Bank Group, 2002. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/329261468782159006/pdf/269030PAPER0WB0Licus0Task0force0report.pdf> (accessed 17.11.2022)

²⁴⁰ UK Department for International Development. Why we need to work more effectively in fragile states. – London: DFID, 2005. 29 p. Available at: https://www.jica.go.jp/cdstudy/library/pdf/20071101_11.pdf (accessed 17.11.2022)

²⁴¹ Rice S.E. & Patrick S. The Index of State Weakness in the Developing World. – Washington, Brookings Institution, 2008. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/02_weak_states_index.pdf (accessed 17.11.2022)

²⁴² Fund for Peace. 2022. Fragile States Index 2022 – Annual Report. Available at: <https://fragilestatesindex.org/2022/07/13/fragile-states-index-2022-annual-report/> (accessed 17.11.2022)

²⁴³ Institute for Economics and Peace. Global Peace Index 2022. Measuring Peace in Complex World. – Sydney, Institute for Economics and Peace, 2022. Available at: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2022/06/GPI-2022-web.pdf> (accessed 17.11.2022)

²⁴⁴ UN Comtrade Database. UN. 2022. Available at: <https://comtrade.un.org/data/> (accessed 17.11.2022).

Отказ от данных прямой статистики – в данном случае внешнеторговой статистики Ирака, Йемена, Сирии и Сомали – связан с тем, что в статистике, предоставляемой самими странами, существует значительное количество пропусков, в первую очередь по товарам 93 группы. Авторы принципиально не использовали данные Стокгольмского института исследования проблем мира (*Stockholm International Peace Research Institute*) по торговле оружием, чтобы добиться однородности с показателями, относящимися к торговле зерном и энергоносителями. Данные внешней торговли товарами 93 группы ТН ВЭД «Оружие боеприпасы; их части и принадлежности» показывают перемещение вооружений с коммерческими и некоммерческими целями, поэтому чистый ввоз оружия трактуется авторами как нарастание военной напряженности «милитаризации» в рассматриваемой стране.

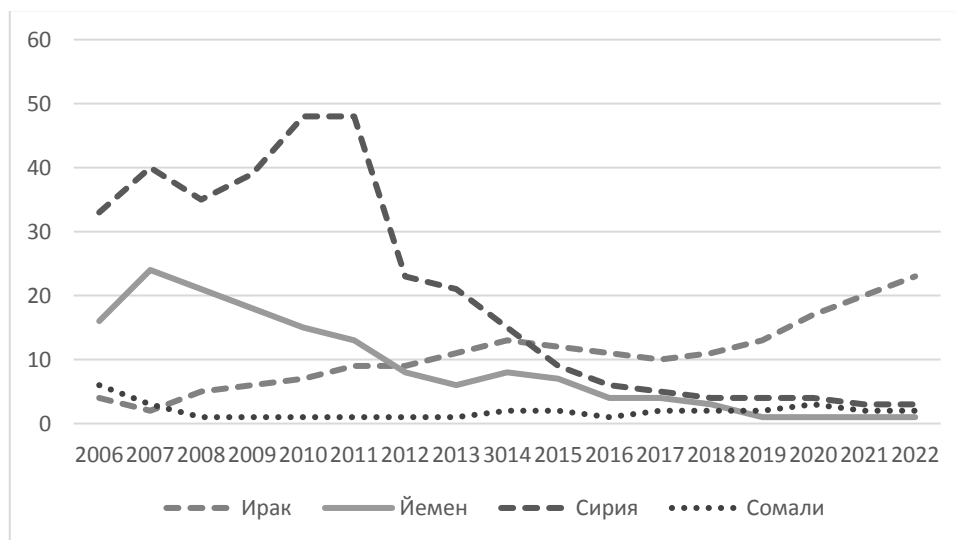

Рис. 1. Динамика позиций Ирака, Йемена, Сирии и Сомали в рейтинге неустойчивых государств, место в рейтинге ²⁴⁵

Fig. 1. Dynamics of positions of Iraq, Yemen, Syria and Somalia in the Fragile States Index, place in the rating

Методика исследования. Данные сгруппированы по периодам пребывания у власти президентов США в три периода ²⁴⁶: второй срок Б. Клинтона ²⁴⁷ (1996–2000 гг.), президентство Дж. Буша-младшего (2000–2008 гг.), президентства Б. Обамы (2008–2016 гг.). Группировка необходима в связи с тем, что данные по поставкам зерна и минерального топлива имеют непрерывный характер в годовом выражении, поставки вооружений имеют место не каждый год, поэтому их необходимо суммировать. Для обеспечения сопоставимости рассматриваемых величин стоимостные показатели пересчитаны на основе дефлятора мирового ВВП и данных о населении исследуемых стран, показателей развития Всемирного банка ²⁴⁸.

Гипотеза исследования носит эксплоративный характер и состоит в том, что анализ данных товарных потоков позволяет дать количественную оценку внешним параметрам военно-политической, продовольственной и энергетической – в совокупности – безопасности в неустойчивых странах.

Цель исследования – проведение сравнительного анализа внешних факторов обеспечения безопасности в выбранных неустойчивых арабских государствах в 1997–2016 гг., охватив максимально доступный временной ряд.

²⁴⁵ Fund for Peace. 2022. Fragile States. Country Dashboard. <https://fragilestatesindex.org/country-data/>

²⁴⁶ В расчеты не включался последний год президентского срока США, когда Президент США находится на посту в течение января.

²⁴⁷ Первый срок Б. Клинтона отсутствует в анализе в связи с тем, что РФ начала устойчиво предоставлять отчетность в UN Comtrade Database с 1996 г.

²⁴⁸ World development indicators. World Bank Group. 2022. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (accessed 17.11.2022).

Задачи исследования:

- 1) оценить масштабы продовольственной и энергетической зависимости/независимости Ирака, Йемена, Сирии и Сомали от внешнего мира;
- 2) выявить признаки нарастания/сокращения военной напряженности в рассматриваемых странах;
- 3) дать сравнительную оценку относительного совокупного «контроля» внешних акторов в них.

Результаты исследования. Анализ внешних факторов формирования безопасности в Ираке, Йемене, Сирии и Сомали в 1997–2016 гг.

На рисунках 2–5 представлены внешние параметры безопасности по компонентам – продовольственной, энергетической и традиционной (военно-политической) – оценены сальдо внешней торговли знаками, продукцией ТЭК и вооружениями, на основании которых можно сделать следующие выводы. Во-первых, для всех стран характерна высокая волатильность рассматриваемых показателей, что связано не только с физическими объемами экспорта, но и ценовыми параметрами. Во-вторых, Ирак, Йемен и Сирия характеризуются сопоставимыми композициями внешних параметров безопасности: внешние закупки продовольствия, чистый экспорт продукции ТЭК, ввоз оружия. В этой группе государств прослеживается связь динамики экспорта топлива и изменений в рейтинге неустойчивых государств. В Ираке (рисунок 2) ситуация стабилизируется и чистый экспорт минерального топлива растет (снижение сальдо с 2012 г. обусловлено снижением цен на нефть), в то время как ситуация в Йемене и Сирии (рисунки 3 и 4) – противоположная: снижается и устойчивость, и сальдо внешней торговли продукцией ТЭК (вплоть до отрицательных величин). Ситуация в Сомали характеризуется отрицательным сальдо внешней торговли продовольствием, минеральным топливом и вооружениями – в нашей интерпретации зависимостью от зарубежных стран по всем рассматриваемым параметрам. Показательно ухудшается положение Сомали в сфере закупок топлива – отрицательное сальдо увеличивается, несмотря на снижение цен на нефть (рисунок 5).

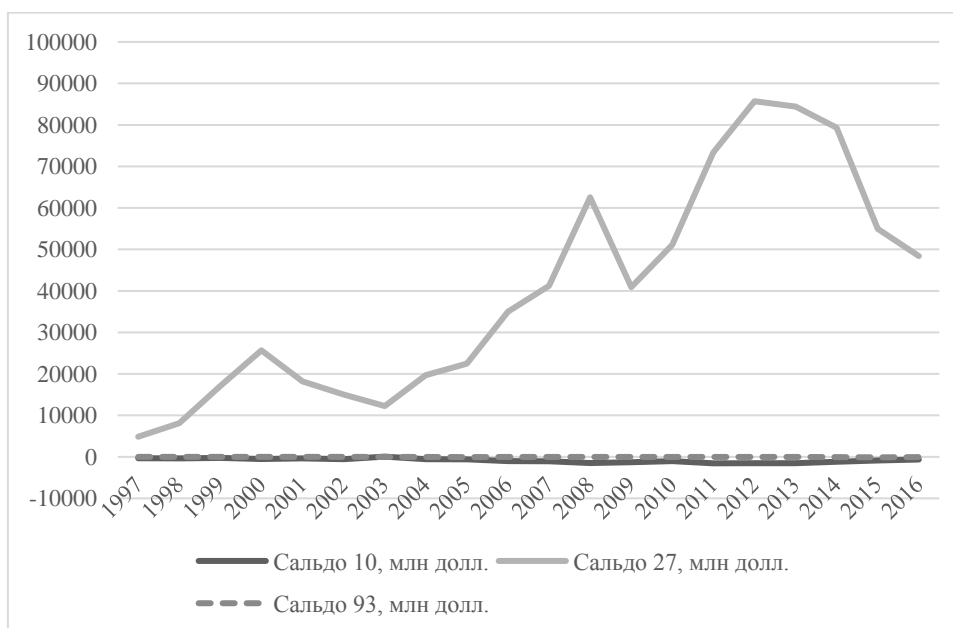

Рис. 2. Внешние факторы безопасности по компонентам: Ирак²⁴⁹

Fig. 2. External security factors by component: Iraq

²⁴⁹ Здесь и далее расчеты авторов по UN Comtrade Database. UN. 2022. Available at: <https://comtrade.un.org/data/> (accessed 17.11.2022).

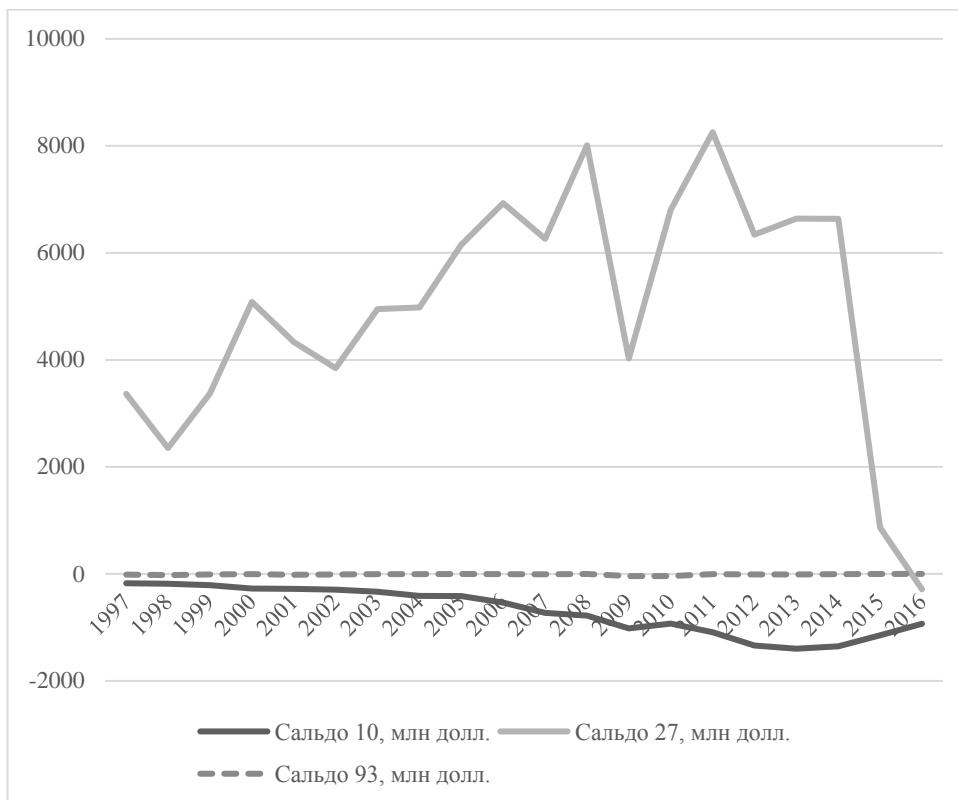

Рис. 3. Внешние факторы безопасности по компонентам: Йемен
 Fig. 3. External security factors by component: Yemen

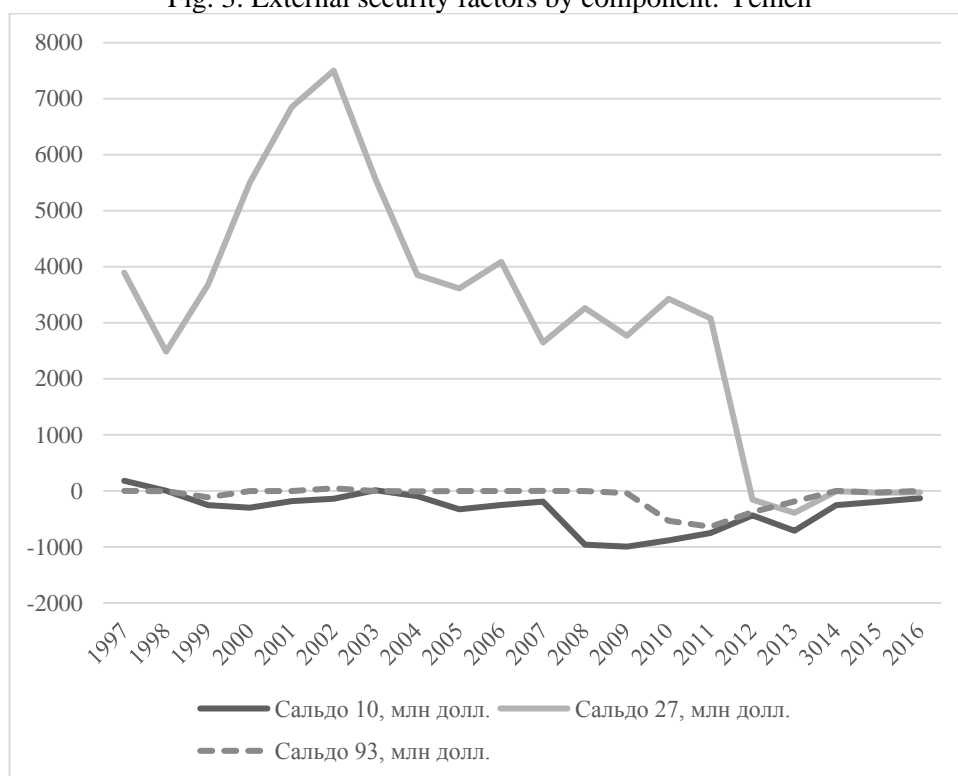

Рис. 4. Внешние факторы безопасности: Сирия
 Fig. 4. External security factors by component: Syria

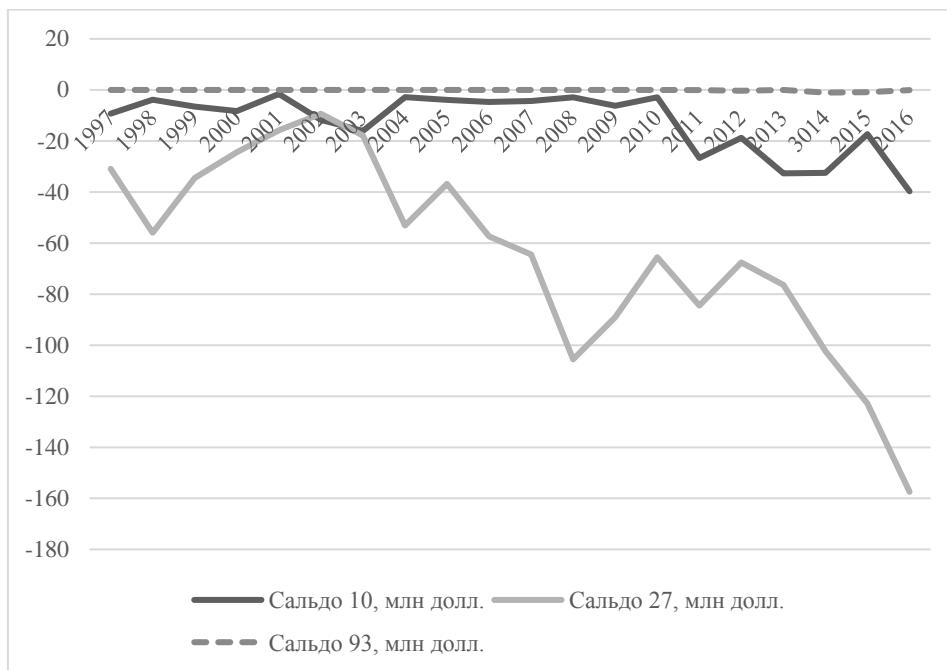

Рис. 5. Внешние факторы «широкой» безопасности: Сомали

Fig. 5. External security factors by component: Somalia

Данные рисунка 6 демонстрируют сходную динамику сальдо внешних закупок зерна на душу населения у Ирака, Йемена и Сирии – рост зависимости до 2008 г., стабилизация максимальных закупок до 2013 г. (периода максимальных мировых цен на зерно) и дальнейшее постепенное сокращение данного показателя к 2016 г. Данные по закупкам зерна Сомали – более стабильны и относительно невелики по сравнению с другими странами (показатель в течение всего периода не превышает 10 долл./чел.), в то время как для других стран закупки на пике приближались к 50 долл. на человека. Сходная динамика закупок зерна Ирака, Йемена и Сирии может быть объяснена близостью их географического положения и сходными климатическими факторами.

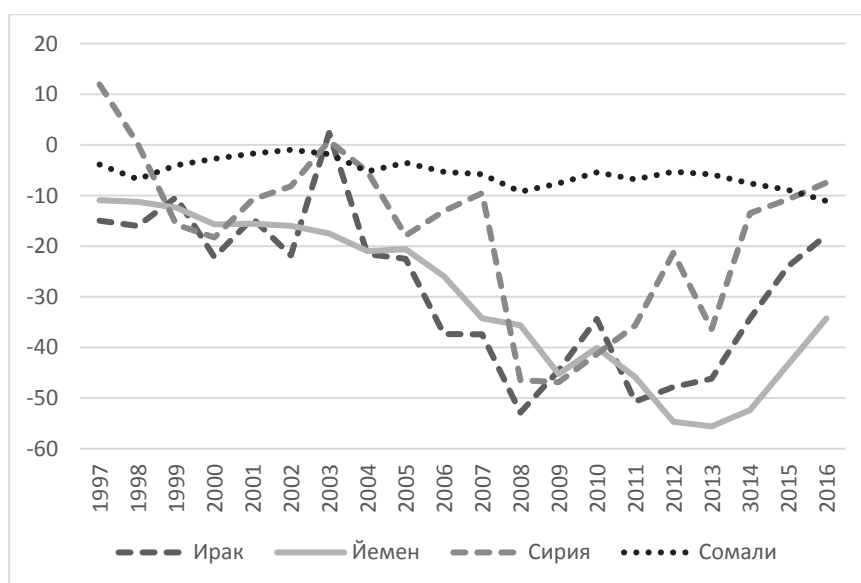

Рис. 6. Сальдо внешней торговли зерном на душу населения, долл./чел.

Fig. 6. The balance of foreign trade in crops per capita, USD/person

Данные графиков, представленных на рисунках 7–10, показывают, что, с одной стороны, в обеспечении продовольственной безопасности рассматриваемых стран участвуют глобальные поставщики США, ЕС-28, Индия, Аргентина, Россия, Таиланд (особенно в периоды президентства Б. Клинтона и Дж. Буша-мл.), с другой – у каждой страны есть и свои традиционные, менее крупные партнеры. Вьетнам экспортирует в Ирак, Египет и Украина – в Сирию, ОАЭ – в Сомали.

Данные графиков показывают снижение роли ведущего игрока в импорте зерна (наращивание диверсификации): в Йемене и Сомали – в течение всего периода, в Ираке и Сирии – для периода президентства Б. Обамы в сравнении с периодом президентства Дж. Буша. Также очевидно падение роли США в пользу главным образом Австралии и Индии.

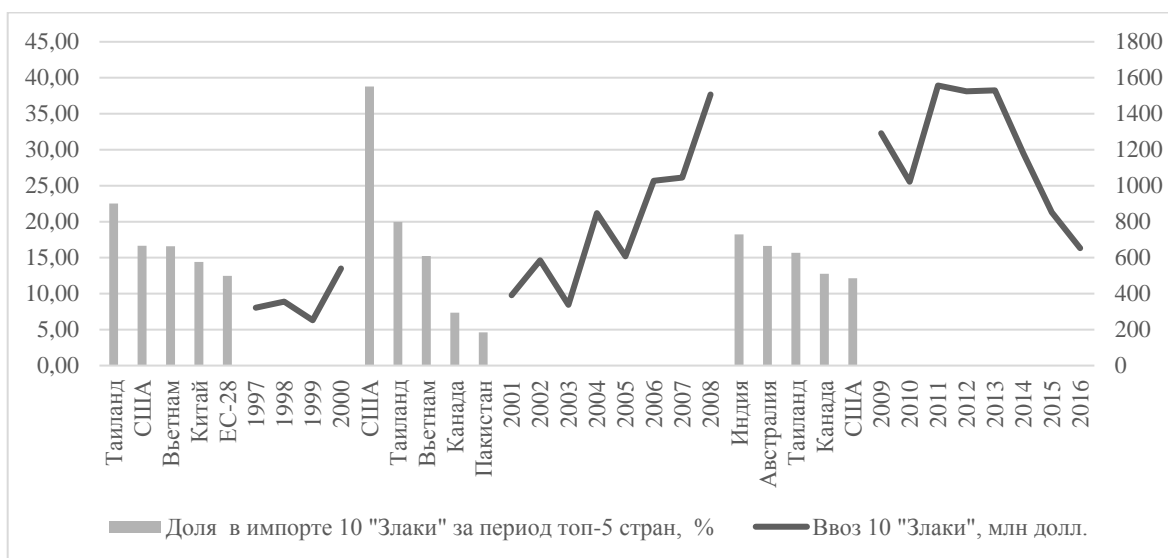

Рис. 7. Обеспечение продовольственной безопасности: Ирак
 Fig. 7. External food security: Iraq

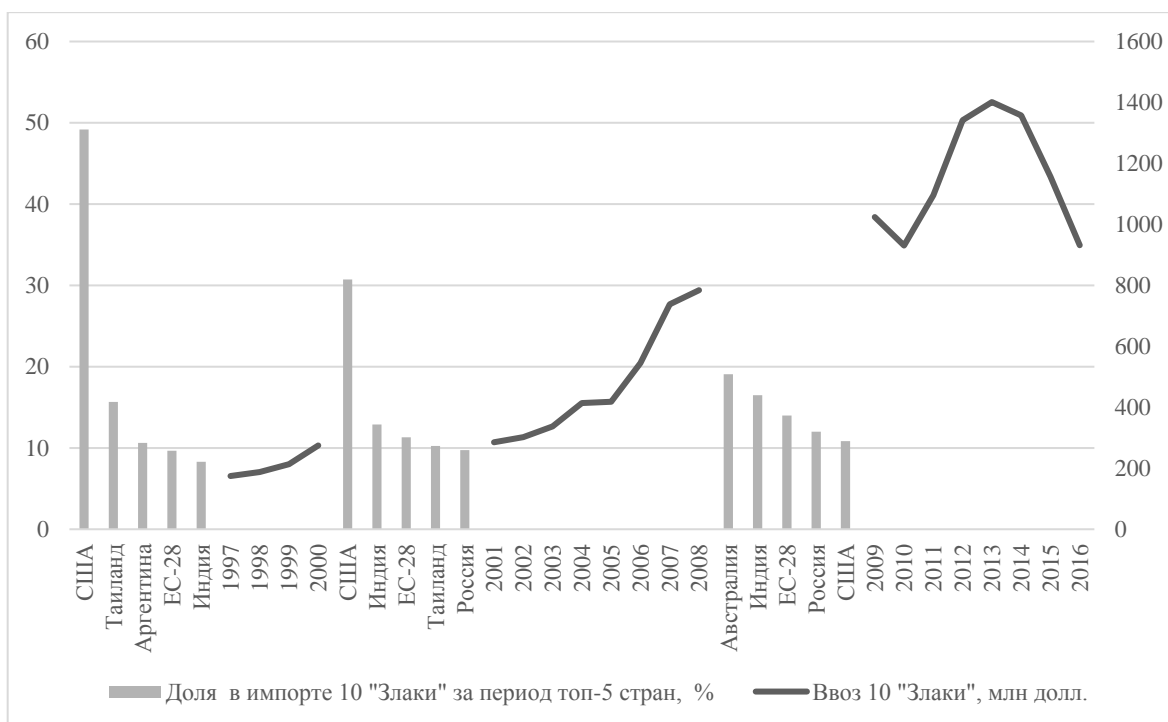

Рис. 8. Обеспечение продовольственной безопасности: Йемен
 Fig. 8. External food security: Yemen

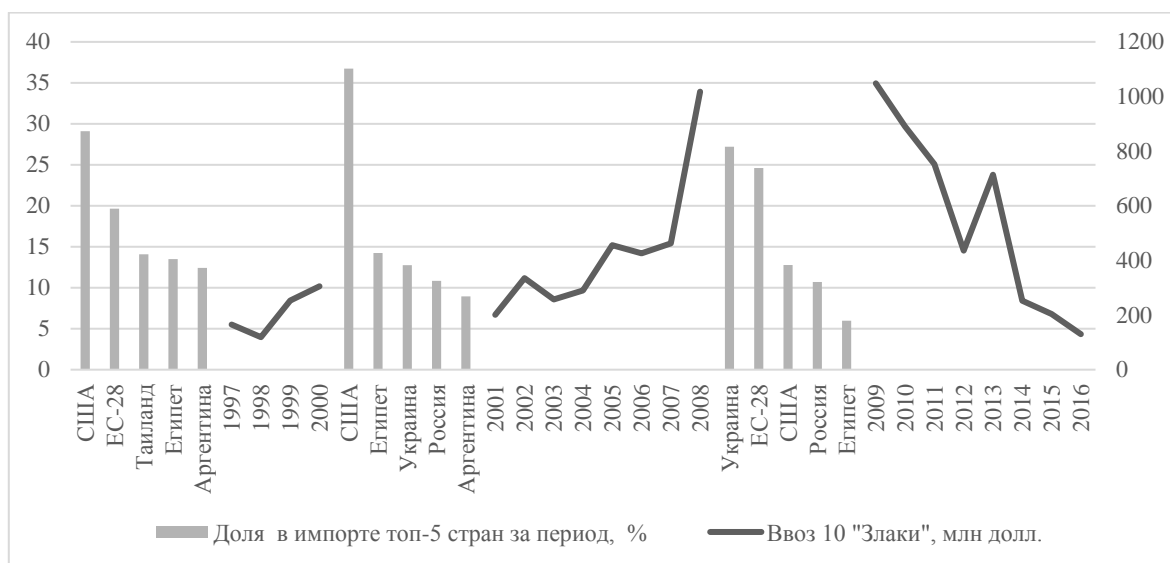

Рис. 9. Обеспечение продовольственной безопасности: Сирия
 Fig. 9. External food security: Syria

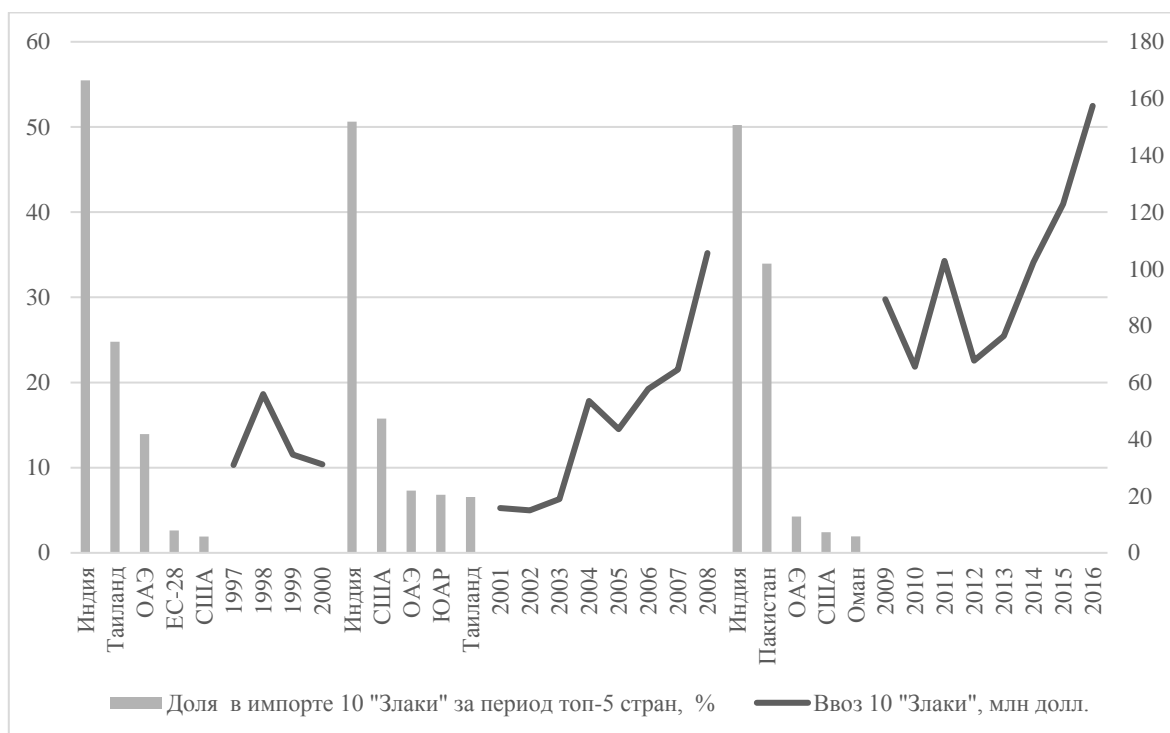

Рис. 10. Обеспечение продовольственной безопасности: Сомали
 Fig. 10. External food security: Somalia

Перейдем к анализу торговли продукцией 27 группы ТН ВЭД «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные». Данные рисунка 11 показывают сальдо торговли топливом на душу населения в рассматриваемых странах (правая шкала – для Ирака). По мнению авторов, прослеживается связь между положением стран в индексе неустойчивых государств и показателями подушевого сальдо торговли продукцией ТЭК – снижение устойчивости происходит на фоне снижения чистого вывоза минерального топлива и наоборот – рост нестабильности проявляется одновременно со снижением вывоза товаров 27 группы. Данная ситуация в меньшей степени характерна для Сомали, что ожидаемо из-за другой структуры внешнего обеспечения безопасности.

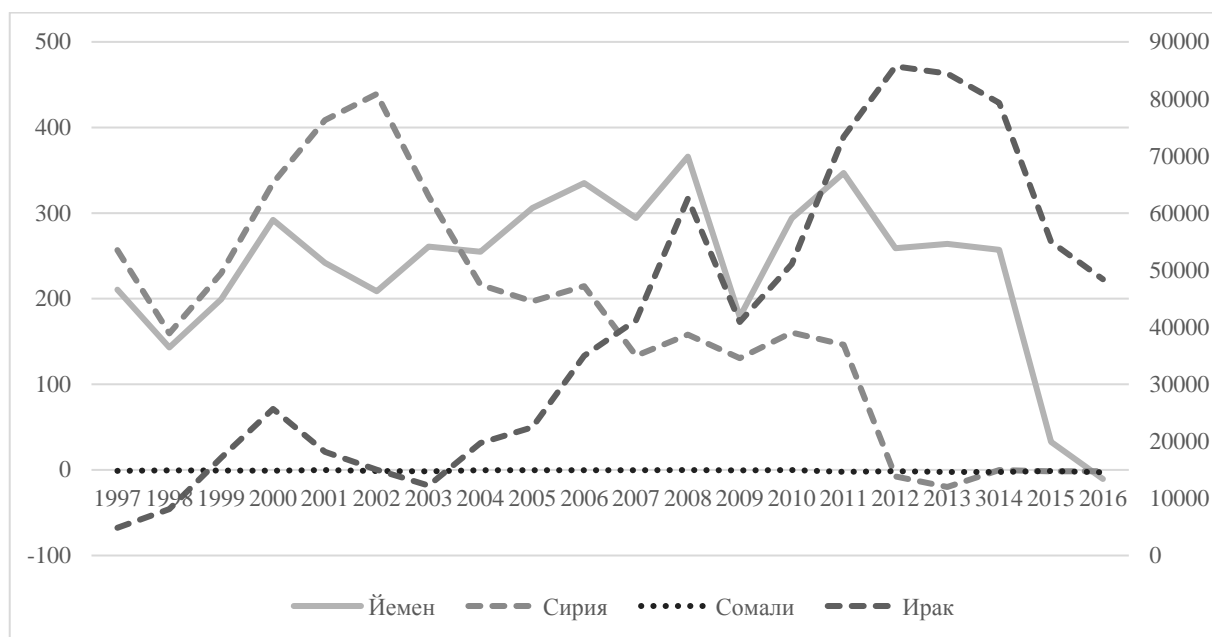

Рис 11. Сальдо внешней торговли топливом на душу населения, долл./чел.
 Fig. 11. The balance of foreign trade in crops per capita, USD/person

Авторы полагают, что при положительном сальдо внешней торговли (в данном случае минеральным топливом) не имеет смысла говорить о внешнем обеспечении энергетической безопасности, речь предположительно идет о ввозе продуктов нефтепереработки или видов минерального топлива, в которых рассматриваемые страны не имеют конкурентного преимущества, например, угля. Данные статистики не позволяют более точно судить об этом.

Как показывают данные рисунков 12–15, в закупках минерального топлива географические факторы доминируют в большей степени, в частности, показательно отсутствие США и незначительное в целом сокращающееся лидерство стран-членов Европейского союза. Таким образом, кроме Сомали, и в этой сфере также проявляется нарастание диверсификации закупок топлива на внешних рынках во времени.

Рис 12. Ввоз минерального топлива: Ирак
 Fig. 12. External fuel security: Iraq

Рис. 13. Ввоз минерального топлива: Йемен

Fig. 13. External fuel security: Yemen

Рис. 14. Ввоз минерального топлива: Сирия

Fig. 14. External fuel security: Syria

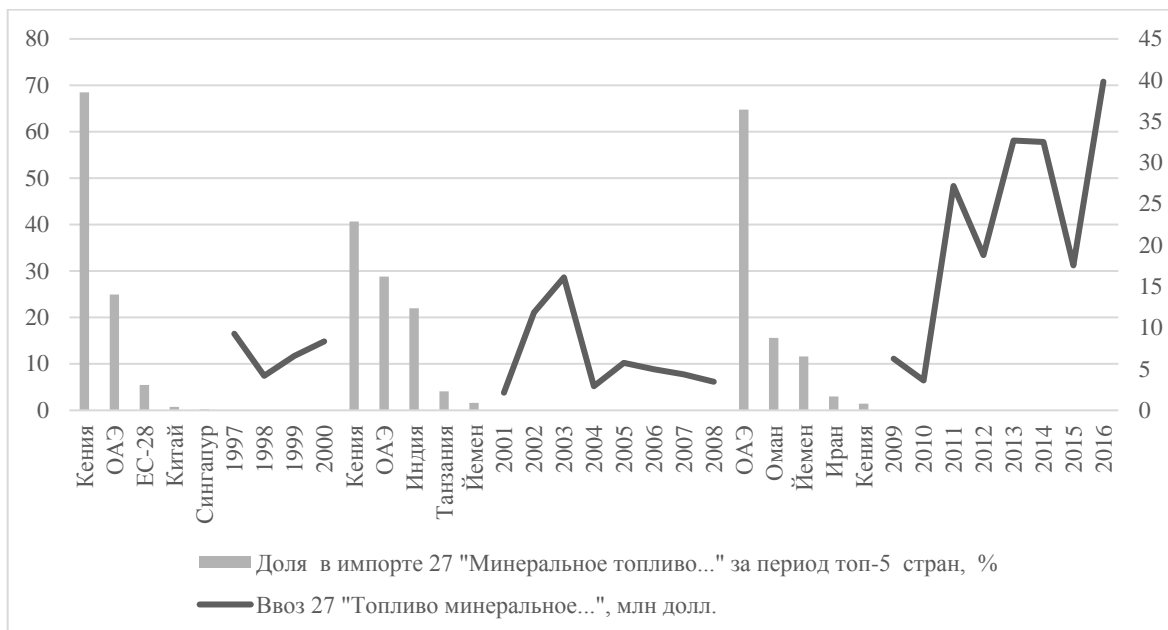

Рис. 15. Ввоз минерального топлива: Сомали
 Fig. 15. External fuel security: Somalia

Перейдем к анализу статистики перемещения через границу товаров 93 группы ТН ВЭД «Оружие боеприпасы; их части и принадлежности», отражающей, по мнению авторов, элементы внешнего обеспечения (контроля) военно-политической сферы рассматриваемых стран. Данные представлены на рисунках 16–19.

Как говорилось выше, представленные данные охватывают и коммерческие перемещения (поставки в рамках закупок), и некоммерческое движение вооружений. Таким образом, чистое отрицательное сальдо ввоза товаров 93 группы в первом приближении указывает на нарастание милитаризации страны (в абсолютном выражении).

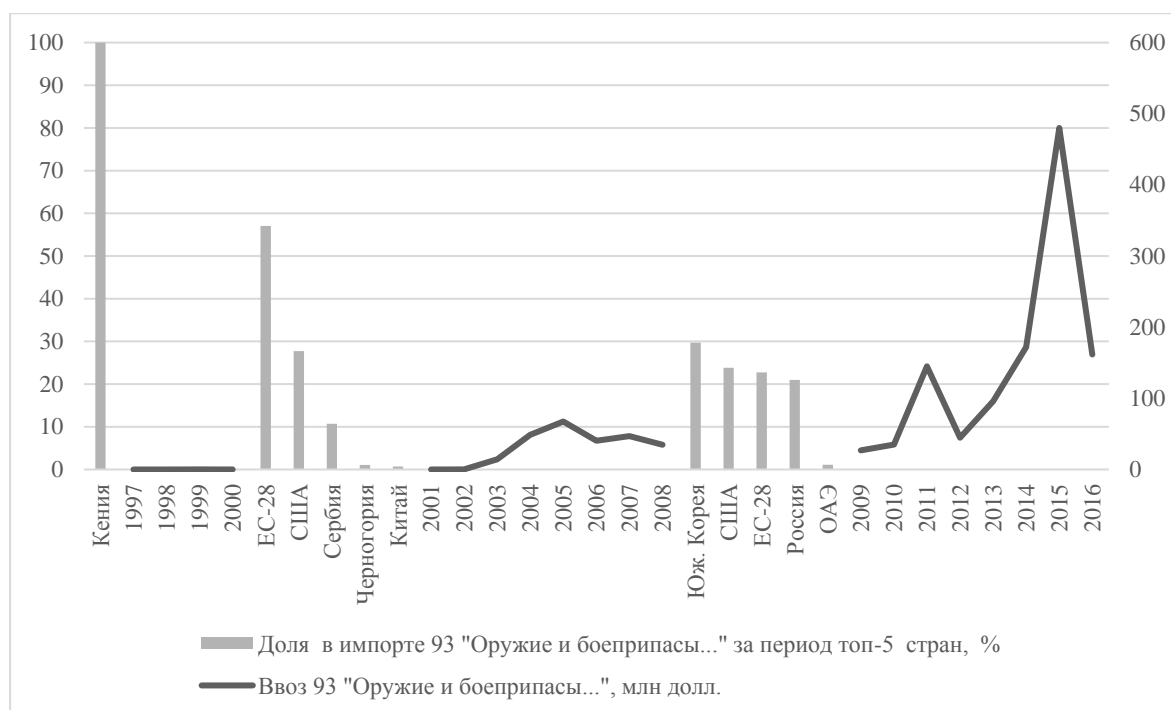

Рис. 16. Милитаризация: Ирак
 Fig. 16. Militarization: Iraq

Использование данного показателя выявило ряд объективных ограничений в его использовании. Во-первых, это поставки, которые учитываются таможней, то есть носят официальный характер, в то время как в неустойчивых странах компонента нелегального перемещения существенна, но она остается за пределами рассмотрения. Во-вторых, на примере Сирии также видно, что военное присутствие США, поддерживающих силы оппозиции, не всегда находит отражение в статистике поставок вооружений. В-третьих, некоторые значимые, в первую очередь для данного региона, экспортеры оружия, такие как Израиль и Саудовская Аравия, не отчитываются о поставках вооружений в ООН (Израиль представляет только общую величину экспорта и импорта, без деления по странам, Саудовская Аравия не представляет никаких данных по данной группе товаров), таким образом судить об их влиянии на обеспечение безопасности в Ираке, Йемене, Сирии и Сомали не представляется возможным.

Рис. 17. Милитаризация: Йемен
Fig. 17. Militarization: Yemen

Данные, представленные на графиках, позволяют судить о том, что для Ирака и Сирии характерен сходный масштаб милитаризации, внешние поставки вооружений исчисляются сотнями миллионами долларов, в то время как ежегодные поставки вооружений в Йемен не превышали 45 млн долл., в Сомали – 2,5 млн долл. Однако для всех стран выборки характерен скачок в милитаризации в период президентства Б. Обамы, совпавшего во времени с событиями Арабской весны, даже с учётом того, что данные дефлированы.

Внешняя безопасность в регионе обеспечивается главным образом Европейским союзом и Российской Федерацией, роль США заметна в Ираке и Йемене (что связано с наличием военных баз, признаваемых Министерством обороны США [Ayesh, 2019]). Это противоречит данным независимых источников, в соответствии с которыми военные контингенты США присутствуют во всех рассматриваемых странах [Haltiwanger, 2018], однако факт наличия контингента скрывается из-за соображений безопасности. Во всех странах как поставщики вооружений представлены Турция и ОАЭ.

Несмотря на общие черты в динамике внешних параметров военно-политической безопасности, у каждого из рассмотренных государств есть определенные особенности. Для поставок вооружений в Ирак характерно очевидное нарастание диверсификации, проявляющееся в выравнивании доли ключевых игроков и в том, что на ведущие позиции выдвинулась Южная Корея. По мнению авторов, это может отражать ориентацию руко-

водства Ирака на достижение независимости от традиционных центров силы – США и ЕС – или подтвердить гипотезу В. Бове, К. Деиана и Р. Нистико [Bove, Deiana, Nistico, 2018] об обусловленности поставок оружия необходимостью от закупок нефти – Южная Корея поставляет вооружения, чтобы гарантировать поставки нефти из Ирака.

Для Йемена – наименее устойчивого государства мира по рейтингу неустойчивых государств в настоящее время²⁵⁰ – характерно сохранение доминирующего, хотя и снижающегося влияния стран Европейского союза, а также замещение США Россией в поставках вооружений.

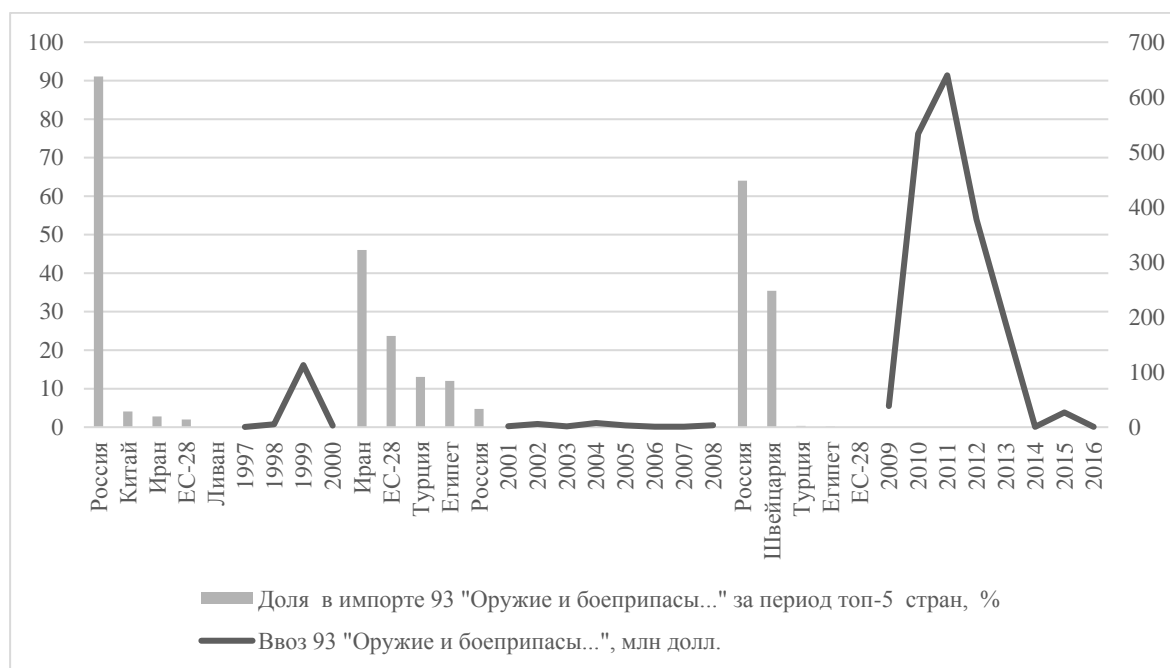

Рис. 18. Милитаризация: Сирия
 Fig. 18. Militarization: Syria

Отметим, что нарастание роли России заметно и в Ираке. Авторы полагают, что в этой тенденции, наиболее четко проявившейся в Сирии, проявляется восстановление лидерской роли России в системе международных отношений в качестве гаранта безопасности, альтернативного Западу и ориентированного в первую очередь на поддержание – сохранение и/или преимущество – существующих режимов неустойчивых стран.

Кейс Сомали отличается от других рассмотренных и в отношении поставок вооружений. Масштабы перемещения вооружений невелики, но, как и в остальных странах, резкое увеличение милитаризации приходится на период президентства Б. Обамы. Обращает внимание тот факт, что среди традиционных центров силы заметно влияние только Европейского союза, которое в период президентства Дж. Буша-мл. даже не являлось доминирующим. При этом за рассмотренные 20 лет американские поставки оружия в Сомали фигурируют единожды, в 2009 г., несмотря на косвенные признаки наличия на территории страны военного контингента США [Haltiwanger, 2018], однако поставки товаров 93 группы ТН ВЭД производятся стратегическими партнерами Вашингтона – Кенией и ОАЭ, как показывают данные.

²⁵⁰ Fund for Peace. 2022. Fragile States Index 2022 – Annual Report. Available at: <https://fragilestatesindex.org/2022/07/13/fragile-states-index-2022-annual-report/> (accessed 17.11.2022)

Рис. 19. Милитаризация: Сомали

Fig.19. Militarization Somalia

Таким образом, в сфере внешнего военно-политического воздействия, во всех странах, кроме Сирии, прослеживается тренд на диверсификацию акторов – и за счет увеличения их количества, и за счет снижения («размывания») доли ключевого игрока или его смены. Именно в данной сфере, военно-политической, диверсификация в наибольшей степени свидетельствует о дрейфе мирового порядка от однополярной архитектуре мирового порядка к многополярной. Увеличение чистого сальдо перемещения вооружений – нарастание милитаризации – в рассматриваемых государствах в 2009–2016 гг., по мнению авторов, свидетельствует о том, что они далеки от устойчивого состояния и существуют угрозы для их стабильного развития в будущем.

Выводы

Вопросы обеспечения безопасности на глобальном и региональном уровнях имеют первоочередное значение для всех акторов системы международных отношений. Наличие неустойчивых государств – проблемное поле глобальной безопасности, негативные сценарии, формирующиеся в них, оказывают влияние на отдельные страны и макрорегионы. Из-за слабости институциональной системы для возвращения данных государств на траекторию стабильности и развития требуется влияние мирового сообщества, чаще всего представленного традиционными и восходящими, глобальными и региональными центрами силы.

В русле данного предположения авторы дают оценку внешних условий для обеспечения военно-политической, продовольственной и энергетической безопасности в наиболее устойчивых странах-членах Лиги арабских государств – Ираке, Йемене, Сомали и Сирии. Неблагополучная ситуация, наблюдаемая в подобных странах, не позволяет им самостоятельно поддерживать внутривнутриполитическую стабильность и обеспечивать нормальные социально-экономические условия жизни для своих граждан.

Поставки продовольствия оказывают прямое воздействие на благополучие населения и социальную стабильность рассмотренных государств, зависящих от внешних поставок зерновых. В целом в обеспечении продовольственной безопасности прослеживается снижение роли США и формирование диверсифицированного пула торговых партнеров,

среди которых выделяются такие страны, как Австралия, Индия, Пакистан, Таиланд, Украина. Это может говорить об институциональных изменениях, произошедших в рассматриваемых государствах, позволивших им доверить продовольственную безопасность менее политически ангажированным, более коммерчески ориентированным, «нейтральным» поставщикам.

В сфере ТЭК большая часть рассмотренных государств – Йемен, Ирак, Саудовская Аравия – в состоянии обеспечивать не только собственные потребности, но и иметь положительное внешнеторговое сальдо по товарам 27 группы ТН ВЭД. Однако если неустойчивость в рассмотренных государствах возрастает, то профицит (сюрплюс) торговли продукцией ТЭК превращается в дефицит, что моментально приводит к ухудшению социально-экономической ситуации. Таким образом, проблема состоит не в недостаточном обеспечении энергетической безопасности, а в отсутствии военно-политической. Слом государственно-политических институтов при смене режимов, вовлечение общества в гражданскую или ситуация долговременной войны с террористическими группировками приводят к смене бенефициаров добычи и экспорта энергоносителей.

Основными выявленными тенденциями в поставках вооружений, а следовательно, и в обеспечении военно-политической безопасности Ирака, Йемена, Сирии и Сомали, являются, во-первых, диверсификация внешних гарантов стабильности рассмотренных неустойчивых государств, что свидетельствует о достижении мировым порядком состояния многополярности; во-вторых, резкое насыщение вооружениями, произошедшее в 2009–2016 гг., на фоне событий «арабской весны», следствием которого является сохранение нестабильности рассмотренных государств. Анализ военно-политической сферы указывает, по мнению авторов, на закрепление за Россией статуса гаранта безопасности, альтернативного Западу, в первую очередь США, и ориентированного на поддержание легитимных политических институтов рассмотренных государств. Необходимость реализации Россией данной роли связана с тем, что авторы разделяют здесь тезис М. Боас и К. Дженнингс [Bøås, Jennings, 2007], что отнесение государств к категории «несостоявшихся, неустойчивых» основывается на западном восприятии безопасности и реализации интересов Запада, в связи с чем требующееся неустойчивым государствам внешнее влияние может носить не только нейтральный или прогрессивный, но и манипулятивно-регрессивный характер.

В комплексном отношении, опираясь на данные статистики внешней торговли знаками, продукцией топливно-энергетического комплекса и перемещения вооружений через границу, авторы выделили группу государств, оказывающих влияние на стабильность Ирака, Йемена, Сирии и Сомали, среди которых традиционные центры силы – США, Европа, восходящие центры силы, такие как Индия, Россия и Турция, а также ряд «нейтральных», менее политически ангажированных, более коммерчески ориентированных государств.

Список литературы

- Бартенев В.И. 2017. От «несостоявшихся государств» к «неустойчивым состояниям»: логика понятийной эквилибристики. *Polis. Political Studies*, 7 (2), 26–41. doi.org/10.17976/jpps/2017.02.03
- Luke T.W., & Toal G. 1998. The fraying modern map: Failed states and contraband capitalism. *Geopolitics*, 3 (3), 14–33. [doi:10.1080/14650049808407626](https://doi.org/10.1080/14650049808407626)
- Bøås M., & Jennings K.M. 2007. «Failed States» and «State Failure»: Threats or Opportunities? *Globalizations*, 4 (4), 475–485. [doi:10.1080/14747730701695729](https://doi.org/10.1080/14747730701695729)
- Iqbal Z., & Starr H. 2008. Bad Neighbors: Failed States and Their Consequences. *Conflict Management and Peace Science*. 25 (4), 315–331. [doi:10.1080/07388940802397400](https://doi.org/10.1080/07388940802397400)
- Zoellick R.B. 2008. Fragile States: Securing Development. *Survival*, 50 (6), 67–84. [doi:10.1080/00396330802601859](https://doi.org/10.1080/00396330802601859)
- Newman E. 2009. Failed States and International Order: Constructing a Post-Westphalian World. *Contemporary Security Policy*, 30 (3), 421–443. [doi:10.1080/13523260903326479](https://doi.org/10.1080/13523260903326479)

- Andersen L. 2006. When Security is Found Beyond the State: Suggestions for a Revised Approach to Security Reform in Fragile States. *Forum for Development Studies*, 33 (2), 305–324.
- Homel P., & Masson N. 2016. Partnerships for human security in fragile contexts: where community safety and security sector reform intersect. *Australian Journal of International Affairs*, 70 (3), 311–327. doi:10.1080/10357718.2015.1126803
- Rocha De Siqueira, I. 2014. Measuring and managing «state fragility»: the production of statistics by the World Bank, Timor-Leste and the G7+. *Third World Quarterly*. 35 (2), 268–283. doi:10.1080/01436597.2014.878131
- Nye J.S. Jr., Welch D.A. 2012. *Understanding Global Conflicts and Cooperation*. 9th ed. Study Guide, Boston: Pearson, 338.
- Rasul G., Sharma B. 2015. The nexus approach to water – energy – food security: an option for adaptation to climate change. *Climate Policy*, 16 (6), 682–702. doi:10.1080/14693062.2015.1029865
- Haltiwanger J. 2018. America's year in war: All the places US armed forces took or gave fire in 2018. *Business Insider*. Available at: <http://www.businessinsider.com/america-at-war-the-countries-where-the-us-took-or-gave-fire-in-2018-2018-12> (accessed 17.11.2022)
- Ayesh R. 2019. Where U.S. troops and military assets are deployed in the Middle East. *Axios*. Available at: <https://www.axios.com/where-us-troops-deployed-middle-east-5e96fdb2-c7ba-4f26-90b4-7bf452f83847.html> (accessed 17.11.2022)
- Bove, V., Deiana C., Nisticò, R. 2018. Global Arms Trade and Oil Dependence. *The Journal of Law, Economics, and Organization*, 34 (2), pp. 272–299, <https://doi.org/10.1093/jleo/ewy007>

References

- Bartenev V.I. 2017. Ot «nesostojavshihhsja gosudarstv» k «neustojchivym sostojanijam»: logika ponjatijnoj jekvilibristik [From «failed states» to unstable states»: the logic of conceptual balancing act]. *Polis. Political Studies*, 7 (2), 26–41. doi.org/10.17976/jpps/2017.02.03 (in Russian).
- Luke T.W., & Toal G. 1998. The fraying modern map: Failed states and contraband capitalism. *Geopolitics*, 3 (3), 14–33. doi:10.1080/14650049808407626
- Bøås M., & Jennings K.M. 2007. «Failed States» and «State Failure»: Threats or Opportunities? *Globalizations*, 4 (4), 475–485. doi:10.1080/14747730701695729
- Iqbal Z., & Starr H. 2008. Bad Neighbors: Failed States and Their Consequences. *Conflict Management and Peace Science*. 25 (4), 315–331. doi:10.1080/07388940802397400
- Zoellick R.B. 2008. Fragile States: Securing Development. *Survival*, 50 (6), 67–84. doi:10.1080/00396330802601859
- Newman E. 2009. Failed States and International Order: Constructing a Post-Westphalian World. *Contemporary Security Policy*, 30 (3), 421–443. doi:10.1080/13523260903326479
- Andersen L. 2006. When Security is Found Beyond the State: Suggestions for a Revised Approach to Security Reform in Fragile States. *Forum for Development Studies*, 33 (2), 305–324.
- Homel P., & Masson N. 2016. Partnerships for human security in fragile contexts: where community safety and security sector reform intersect. *Australian Journal of International Affairs*, 70 (3), 311–327. doi:10.1080/10357718.2015.1126803
- Rocha De Siqueira, I. 2014. Measuring and managing «state fragility»: the production of statistics by the World Bank, Timor-Leste and the G7+. *Third World Quarterly*. 35 (2), 268–283. doi:10.1080/01436597.2014.878131
- Nye J.S. Jr., Welch D.A. 2012. *Understanding Global Conflicts and Cooperation*. 9th ed. Study Guide, Boston: Pearson, 338.
- Rasul G., Sharma B. 2015. The nexus approach to water – energy – food security: an option for adaptation to climate change. *Climate Policy*, 16 (6), 682–702. doi:10.1080/14693062.2015.1029865
- Haltiwanger J. 2018. America's year in war: All the places US armed forces took or gave fire in 2018. *Business Insider*. Available at: <http://www.businessinsider.com/america-at-war-the-countries-where-the-us-took-or-gave-fire-in-2018-2018-12> (accessed 17.11.2022)
- Ayesh R. 2019. Where U.S. troops and military assets are deployed in the Middle East. *Axios*. Available at: <https://www.axios.com/where-us-troops-deployed-middle-east-5e96fdb2-c7ba-4f26-90b4-7bf452f83847.html> (accessed 17.11.2022)
- Bove, V., Deiana C., Nisticò, R. 2018. Global Arms Trade and Oil Dependence. *The Journal of Law, Economics, and Organization*, 34 (2), pp. 272–299, <https://doi.org/10.1093/jleo/ewy007>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.01.2023
Поступила после рецензирования 10.02.2023
Принята к публикации 10.02.2023

Received 28.01.2023
Revised 10.02.2023
Accepted 10.02.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Горбунова Мария Лавровна, заведующий кафедрой мировой экономики и таможенного дела, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-2733-568X](https://orcid.org/0000-0003-2733-568X)

Комаров Игорь Дмитриевич, научный сотрудник АНИИ «Лобачевский», Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-0348-0471](https://orcid.org/0000-0002-0348-0471)

Сикираж Владимир Владимирович, младший научный сотрудник АНИИ «Лобачевский», Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-1744-4073](https://orcid.org/0000-0003-1744-4073)

Maria L. Gorbunova, Head of the Department of International Economics and Customs Affairs, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Igor D. Komarov, Researcher, Scientific Research and Information Agency «Lobachevsky» National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Vladimir V. Sikirazh, Junior Researcher, Scientific Research and Information Agency «Lobachevsky» National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation